

Тата Шу

НЕ ПО ПЛАНУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тата Шу
Не по плану

«Автор»

2026

Шу Т.

Не по плану / Т. Шу — «Автор», 2026

Он — наследник металлургической империи, привыкший, что вся его жизнь расписана по чужому плану. Завод, бумаги, совещания, женщины без обязательств — и ни одной минуты, принадлежащей ему самому. Она — психолог из маленького города, сбежавшая от прошлого и мечтающая просто дышать свободно. Их встреча случайна, как первый весенний дождь, и так же неожиданно меняет всё. Это история о человеке, который лишком долго жил по указке. История о любви, которая не спрашивает разрешения и не вписывается в графики. О том, как трудно отпустить контроль — и как легко, когда рядом тот, кто видит тебя настоящего. Здесь будут и ссоры до хлопанья дверями, и тайные шоколадки, и ночи без сна, и слова, которые не решаешься произнести. Но главное — здесь будет выбор: остаться тем, кем тебя сделали, или стать тем, кем ты всегда хотел быть. И иногда для этого достаточно одного взгляда на финишной черте.

© Шу Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Тата Шу

Не по плану

Глава 1

Понедельник. Граневский ненавидел понедельники.

Не в переносном смысле, не в шутку, а той самой глубокой, всеобъемлющей ненавистью, которую нормальный человек может испытывать разве что к зубной боли, пробкам на дороге или к музыке из чужого телефона на совещании.

В понедельник завод оживал. После двух дней относительной тишины, когда цеха гудели вполсилы, а проходная пустовала, наступала та самая «святая неделя», когда нужно было принимать решения, подписывать бумаги, проводить совещания, увольнять, нанимать, повышать и понижать. И всё это — с утра пораньше с ещё не проснувшимся окончательно организмом и с чашкой кофе, который в его приёмной секретарши варили так, будто его целевое назначение — не бодрить, а добивать.

- Доброе утро, Сергей Михайлович, — пропела секретарша, когда он вошёл в приёмную.

Сергей кивнул, даже не взглянув на неё. Не потому, что был грубым или высокомерным, а потому, что Ирочка — секретарша — была третьей по счёту за последние полгода пребывания его в должности директора. Первая ушла в декрет, вторая вышла замуж за какого-то программиста и переехала в Питер, а эта... эта пока держалась. И, судя по её настойчивому желанию заглядывать ему в глаза чуть дольше положенного, держалась она не столько ради зарплаты, сколько ради возможности однажды перейти в разряд «не просто секретарш».

Сергей прошёл в свой кабинет и закрыл дверь.

Кабинет был большим. Слишком большим для одного человека. Огромный стол из красного дерева, кожаное кресло, которое стоило как подержанная иномарка, панорамное окно, из которого открывался вид на дымящие трубы завода. В своём роде красиво. Дорого. Солидно. И до тошноты предсказуемо.

Он сел в кресло, откинулся на спинку и уставился в потолок.

«Здоровый, богатый наследник металлургической империи, — подумал он. — И идиот, который не может даже выбрать себе секретаршу без того, чтобы она не пыталась затаскать его в койку».

Из приёмной донеслось шушуканье. Голос Ирочки, воркующий, как утренняя птичка, и второй — низкий, уверенный, с лёгкой хрипотцой. Селифонтов. Павел Селифонтов — его закадычный друг, правая рука и второй человек после отца на этом заводе, который позволял себе входить к Сергею без стука и называть его «Серёгой», а не «Сергей Михайлович».

- Заходи уже, — крикнул Сергей, не поворачивая головы. — Чего ломишься, как таран?

Дверь открылась, и в кабинет ввалился Павел. Высокий, широкоплечий, вечно в расстёгнутой рубашке, с вечной щетиной и с вечной улыбкой человека, который знает, что жизнь слишком коротка, чтобы быть серьёзным.

- Ну ты и горазд устраивать сцену для моей секретарши.

- Серёга, ты в своём уме? — он плюхнулся на стул напротив, положил ногу на ногу. — Я тебя уже который месяц умоляю: дай мне нормальную работу. Я не могу больше сидеть в этом офисе, смотреть, как ты страдаешь хернёй, и делать вид, что я нужный винтик в твоей корпорации. У тебя завод — градообразующее предприятие, а я... я как декорация.

- Это называется «кадровый резерв», — безэмоционально ответил Сергей. — Если хочешь — увольняйся.

- Уволюсь, — тут же согласился Павел. — Только сначала ты мне скажи, зачем ты вообще это всё делаешь? Ну, кроме того, что папа сказал.

Сергей поморщился. Он знал, что Павел — единственный человек, который может задать этот вопрос без намёка на подхалимство или иронию. И именно поэтому Сергей отвечал ему честно — настолько, насколько мог быть честным с самим собой.

- Потому что так надо, — сказал он. — Потому что если я не буду этим заниматься, то этим будет заниматься кто-то другой. И этот кто-то, скорее всего, окажется хуже меня.

- А если лучше?

- Тогда я потеряю свой смысл, Паш. — Сергей усмехнулся. — Я же не просто так с семнадцати лет вкалывал на этом заводе. Сначала грузчиком. Потом сталеваром после армии. Потом мастером, начальником цеха... Я знаю каждую деталь этого механизма. Каждый винтик. Каждую трещину. Если я уйду, то не будет никого, кто знает, как работает этот организм изнутри.

- У тебя есть Димка, — напомнил Павел.

- У Димы другая дорога, — Сергей покачал головой. — Он учится, он хочет заниматься чем-то другим. Отец позволил ему найти себя, в отличие от меня. Ты же знаешь, что он поздний ребёнок. И у него нет такой закалки и крепких нервов, как у меня. Я не собираюсь ломать его судьбу.

- А свою?

- А что моя? — Сергей развёл руками. — У меня всё нормально. Работа. Деньги. Новая машина. Женщины. Хочу купить квартиру. Ну, и ты, как дружок.

- А любовь в твои планы входит?

- Входит. Но не сейчас. Какие проблемы?

- Проблема в том, что ты несчастлив, — сказал Павел. — А любовь не может быть запланирована. Серёга, ты же понимаешь, что я тебя не первый день знаю. Ты приходишь на работу, сидишь здесь, как в клетке, потом едешь домой, и смотришь в стену. У тебя нет ни семьи, ни девушки, ни хобби, кроме работы. Ну, кроме того, что ты меняешь девчонок как перчатки. И это, между нами, не хобби, а способ не задумываться о том, что у тебя внутри.

- Откуда такие познания в психологии? — усмехнулся Сергей, но усмешка вышла натянутой.

- Я читал книжку, — серьёзно ответил Павел. — «Как выжить, если твой друг — наследник металлургической корпорации». Заодно и про женский пол просвещаюсь.

Сергей засмеялся — искренне, легко, так, как умел только в присутствии этого наглого, безалаберного, но бесконечно верного друга.

- Ладно, уговорил, — сказал он. — Давай обсудим твои должностные обязанности.

- Только, чур, без бумажной работы, — предупредил Павел, поднимая палец. — Я хочу что-то делать, а не штаны протирать.

- Будешь моим заместителем по производству. — Сергей уже открыл ноутбук и начал что-то печатать. — Будешь контролировать цеха, решать текущие вопросы, иногда подменять меня. Согласен?

- А зарплата? — тут же спросил Павел.

- Вдвое больше, чем сейчас.

- А премии?

- Если не будешь опаздывать.

- А если буду?

- Тогда будешь делать это так, чтобы я не заметил.

- Договорились, — Павел хлопнул в ладоши. — Ну, Серёга, теперь я человек! И, кстати, у меня для тебя новости.

- И какие же? — Сергей с сомнением посмотрел на друга. Обычно «новости» от Павла означали что-то среднее между «меня уволили» и «я случайно разбил твою машину».

- Адка вышла на работу. — Павел расплылся в улыбке. — Я договорился, чтобы её взяли в отдел кадров. Помнишь её?

Сергей задумался. Ада Селифонтова. Он помнил её ещё подростком — худенькую, с большими глазами, которая вечно крутилась у Павла под ногами и, кажется, смотрела на Сергея с каким-то странным, почти благоговейным интересом.

- Помню, — осторожно сказал он. — Она... вроде бы закончила...

- Она закончила экономический, — перебил Павел. — И она теперь в городе. Будет работать у тебя на заводе. Я просто хотел предупредить, чтобы ты не удивился. И, Серёг... — он замялся, — постарайся не быть с ней слишком холодным. Она у меня... она немного странная. Как будто живёт в своём мире. Но она хорошая. И очень хочет работать.

- Хочет работать на заводе? — переспросил Сергей.

- Угу.

- И при этом закончила экономический? Ну, бред. Но главное — что она сама хочет. Ок. Дам ей шанс. Как начальник отдела кадров?

- Серёга, она же только закончила! — возмутился Павел. — Начнёт с малого. Просто специалист. А там посмотрим.

Сергей хотел сказать что-то ещё, но его взгляд упал на часы. Начало девятого. Пора на совещание. Он вздохнул, встал и взял со стола папку с бумагами.

- Ладно, — сказал он. — Идём. Совещание сейчас. Познакомишься с новым директором по закупкам.

- У нас новый директор? — удивился Павел.

- А ты думаешь, я тут только секретарш меняю? — усмехнулся Сергей, выходя из кабинета. — Идём. Покажу тебе, как работает настоящий менеджмент.

Павел поднялся, поправил рубашку и двинулся за ним. Но на пороге он остановился и, глядя в широкую спину друга, тихо произнёс:

- Серёг, я тобой горжусь. Правда. Ты, конечно, иногда бываешь тем ещё занудой, но... ты хороший человек.

Сергей не обернулся. Но Павел заметил, как дрогнули его плечи. Как будто он хотел что-то сказать, но не мог. Или не хотел.

В приёмной Ирочка уже стояла с папкой в руках, с улыбкой, которая начинала его раздражать. Сергей вздохнул.

- Ирочка, — сказал он. — Принесите мне кофе. Покрепче. И без сахара. А если в нём будет хоть одна капля молока, вы увольняетесь по собственному желанию.

- Хорошо, — с готовностью ответила Ирочка и, стрельнув глазками, пошла в сторону кулера.

Павел толкнул Сергея локтем:

- Ты издеваешься?

- А ты придумай способ, как отвадить секретаршу, которая считает тебя своей будущей законной собственностью, — буркнул Сергей и направился в зал для совещаний.

В зале его уже ждали. За длинным столом сидели начальники отделов и цехов, директор по персоналу, заместитель по финансам и человек, который выглядел так, будто его только что вытащили из старого шкафа — с усами, в очках и с портфелем, который, наверное, помнил ещё девяностые. Новый директор по закупкам.

Сергей сел во главе стола, положил руки на стол и обвёл присутствующих взглядом.

- Доброе утро, господа. — Его голос был спокойным, ровным, без тени усталости или недовольства. — Начнём.

Совещание длилось полтора часа. Сергей слушал, вникал, задавал вопросы — иногда резкие, иногда с иронией, но всегда по делу. Он не терпел тупости и безответственности, но умел ценить инициативу.

Когда совещание закончилось, он поднялся из-за стола и, кивнув Павлу, вышел в коридор.

- Отлично, — сказал Павел, догнав его. — Новый директор по закупкам — это тот самый мужик из прошлого века?

- Он старый, но он знает своё дело, — ответил Сергей. — И я ему доверяю.

- Серьёзно? Такому?

- Паш, он в этой сфере тридцать лет. Он знает каждого поставщика в лицо и наизусть знает все цены. И он, в отличие от некоторых моих сотрудников, не пытается меня «очаровать». — Он повернулся к другу и улыбнулся. — Пойдём обедать. И расскажешь мне про свою сестру. Когда она выходит?

- Сегодня, — сказал Павел, и в его голосе послышалась лёгкая нервозность. — Она уже на заводе. Я попросил её не лезть к тебе без дела.

- Хорошо, — кивнул Сергей. — Значит, увидимся. Надеюсь, она не принесёт с собой проблем.

Павел усмехнулся:

- Не принесёт, — ответил он.

Они двинулись по коридору к лестнице, и Сергей на мгновение остановился у большого окна, из которого открывался вид на завод. Где-то там, внизу, среди дыма и грохота, шла его жизнь. Жизнь, которую он не выбирал, но которую нёс, как тяжёлый, но нужный груз.

«Ну и чёрт с ним, — подумал он. — Сейчас главное — не свернуть не туда. Я ещё покажу этому городу, что Граневские не сдаются».

Глава 2

Кабинет отца находился на верхнем этаже административного корпуса. Туда, в отличие от кабинета Сергея, вели не просто двери, а настоящие дубовые ворота с массивной ручкой, за которой угадывалась не столько роскошь, сколько власть. Власть, которая не терпит возражений, которая привыкла, что её слово — закон, а закон, в свою очередь, не обсуждается.

Сергей постучал два раза и, не дожидаясь ответа, толкнул дверь.

- Входи, — раздался из глубины кабинета голос — низкий, с металлической хрипотцой, которая появляется у людей, привыкших разговаривать с подчинёнными на повышенных тонах, но не от крика, а от той самой внутренней силы, которая заставляет тебя слушаться.

Михаил Юрьевич Граневский сидел за столом. Как всегда, в идеально выглаженном костюме, с белоснежной рубашкой и галстуком, завязанным идеальным узлом. Он не поднял головы, когда сын вошёл — только указал взглядом на стул напротив, давая понять, что разговор будет долгим и что торопиться некуда.

Сергей сел.

- Ты велел прийти — я здесь.

Отец закончил писать что-то в документе, поставил подпись, отложил ручку и только тогда поднял глаза.

- Как дела на заводе? — спросил он, начиная разговор издалека.

- Нормально, — ответил Сергей коротко.

- Это не ответ, — отрезал отец. — Нормально — это когда нет проблем. А у нас, Сергей, есть проблемы. Новый директор по закупкам — это хорошо, но он старый. Его надо будет менять через год-два. И мне нужен кто-то, кто сможет его заменить. Ты уже думал об этом?

- Думаю, — ответил Сергей, зная, что это будет неправдой, но не желая вдаваться в подробности.

- Думаешь. — Отец усмехнулся — коротко, безрадостно. — Ты у меня всегда думаешь. Только вот о чём? О том, кого бы ещё затащить в свою постель? Или о том, как бы снова не попасть в поле зрения городских сплетников?

Сергей сжал челюсть.

- Ты меня для этого позвал?

- Я позвал тебя, чтобы поговорить, — жёстко ответил Михаил Юрьевич. — О деле. И о том, что тебе пора задуматься о том, что мы с матерью не молодеем. А ты всё ещё не остепенился.

- Я работаю, — сказал Сергей. — Я занимаюсь заводом. У меня всё в порядке.

- У тебя всё в порядке, потому что я тебя пристроил! — голос отца чуть повысился, но сразу вернулся в привычное русло спокойной, ледяной уверенности. — Ты работаешь на заводе, потому что я тебя туда поставил. И пока ты работаешь здесь, я закрываю глаза на твои... «амурные похождения».

Он выделил последнее слово так, что оно прозвучало как приговор.

- Весь город судачит о твоих развлечениях. — Михаил Юрьевич наклонился вперёд, упреков локти в стол. — О том, как ты и твой приятель Селифонтов развлекаетесь с девушками. Мне докладывают. Мне докладывают, Сергей! И мне не стыдно за тебя — мне стыдно за то, что я твой отец. Позор!

Сергей выдержал его взгляд. Он не дрогнул, не отвёл глаз. Только сжал руки на столе так, что побелели костяшки.

- Позор? Я позор? Ты сам не дал мне жениться двенадцать лет назад. А я ведь любил. Что ты мне тогда сказал: «любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. У тебя большое будущее. Зачем тебе эта наивная девчонка? Она свяжет тебя сейчас по рукам и ногам. Тебе

рано ещё жениться. Ты должен сначала сделать себя». И я не удивлюсь, если это именно ты заставил Тоню сбежать из города. И теперь ты решил меня женить, отец? В который раз? — спросил он. — У тебя есть новая кандидатура? Какая-нибудь дочка партнёра по бизнесу?

- Возможно, — не стал отрицать Михаил Юрьевич. — Было бы разумно...

- Даже не надейся, — перебил Сергей, и в его голосе прозвучала та самая сталь, которую он унаследовал от отца. — Я в этом вопросе не пойду у тебя на поводу. Достаточно того, что я по твоему плану стал не тем, кем хотел. Я закончил институт, который ты выбрал. Я работаю на заводе, который ты построил. Я живу в городе, который ты контролируешь. Но женюсь я только по любви. Других вариантов для меня не существует.

- Любовь в наше время, — усмехнулся Михаил Юрьевич. — Ты в своём уме? Любовь — это для тех, кто не понимает, как устроен нынешний мир. Мир, Сергей, строится на деньгах и на связях. Надеяться, что когда-нибудь ты встретишь ту, которая тебя полюбит за что-то, кроме денег — это уже глупость. Но если хочешь искать — ищи. Только сначала сделай одно дело.

- Опять новое дело вести?

- Да дело. А дело вести — не хуем трясти. Хотя в данном случае...

Он открыл ящик стола, достал тонкую папку и положил её на стол.

- Вот, — сказал он. — Это не для обсуждения, это для исполнения.

Сергей взял папку, открыл. Внутри лежал документ — договор с репродуктивным центром, форма, уже заполненная наполовину. Его фамилия, его данные.

- Что это, отец? — спросил Сергей, хотя догадывался.

- Это твоё будущее, — спокойно ответил Михаил Юрьевич. — Пока ты скачешь жеребцом, и ищешь свою «любовь», нужно сдать биоматериал. Вдруг твоя «любовь» свалится тебе на голову под седые муди, так хоть сперма твоя молодая пригодится для зачатия. Суррогатная мать, инкубатор — неважно. Главное — наследник.

Сергей посмотрел на отца. В его взгляде не было ни возмущения, ни гнева — только холодное, тяжёлое осознание того, что отец никогда не перестанет контролировать его жизнь.

- Ты серьёзно? — спросил он.

- Абсолютно, — ответил Михаил Юрьевич. — Ты меня, сын, знаешь. Я не отстану, пока не увижу подтверждения, что твой биоматериал лежит в банке. Ты мне документ, а я тебе — право на поиск своей любви. Свободу и право выбрать себе женщину. И если до сорока ты не женишься, и у тебя не появятся дети, я использую твоё семя. Я не для того вкалывал всю жизнь как проклятый, и строил корпорацию, чтобы ты пустил всё псу под хвост. Димке не вытянуть. У него нет такой хватки и характера, как у тебя. Он слишком мягок для этого мира. В вашу мать пошёл.

Сергей молчал. Внутри него закипало что-то, чему он не давал выхода много лет. Он хотел сказать, что это унижительно. Что это чёртово вторжение в его личную жизнь. Что он не кусок мяса, чтобы его генетический материал хранили в морозилке на случай, если он не найдёт жену.

Но он знал отца.

Он знал, что с ним спорить бесполезно. Что он всё равно сделает по-своему. И что если сейчас Сергей не согласится, отец просто прекратит финансирование его проектов, начнёт давить через акционеров, через совет директоров. И тогда он потеряет всё. Не потому, что боится, а потому что отец всегда добивается своего. И было понимание ещё одного момента — время. Сергею нужно было ещё время.

Сергей взял папку и поднялся.

- Хорошо, — сказал он. — Я сделаю это. Но запомни, отец. Я женюсь только по любви. И если ты встанешь у меня на пути, я уйду с завода. Я умою руки и свалю в свободную жизнь, оставив нажитое тобой на растерзание стервятников. Ты меня знаешь. Я, как и ты, слов на ветер не бросаю.

Он повернулся, чтобы выйти из кабинета.

- Сергей, — окликнул его отец.

Сергей остановился у двери, но не обернулся.

- Ты идиот, — сказал Михаил Юрьевич, но в его голосе вдруг проскользнула странная, почти человеческая усталость. — Ты всегда был таким. И ты всегда будешь таким. Но, чёрт возьми, я в тебя верю. Просто... сделай, что я сказал. И не заставляй меня давить.

Сергей вышел из кабинета, закрыл за собой дверь и прислонился спиной к стене. В груди саднило. Не от обиды, не от злости — от того, что он снова сделал то, что должен был сделать, а не то, что хотел.

«Ну и чёрт с ним, — подумал он. — Сделаю. А там будь что будет».

Он спустился на этаж, зашёл к себе в кабинет, бросил папку на стол и сел в кресло. Павел уже ждал его там — сидел на подоконнике, пил кофе и смотрел в окно.

- На ковёр ходил или как? — спросил он беззлобно.

- Или как.

- Ну что, папа тебя в очередной раз женить собрался? — хохотнул Павел.

- Хуже, — ответил Сергей. — Он хочет, чтобы я сдал сперму в банк. На случай, если я не найду жену до сорока.

Павел поперхнулся кофе.

- Он серьёзно?

- Абсолютно.

Павел поставил чашку, подошёл к столу и сел напротив Сергея.

- Ну, Серёга, — сказал он медленно, — вот это я понимаю — «забота о наследнике».

- Заткнись, — беззлобно ответил Сергей и откинулся на спинку кресла.

- Ну а ты что? Согласился?

- Да. А что мне было делать? Сказать ему «нет» и посмотреть, как он перекроет мне кислород? Он же всё равно сделает по-своему. Так что пусть будет. Мне не жалко. Тем более... — он задумался, — кому-то это пригодится.

- Ты о чём? — спросил Павел.

- О том, что любовь — она ведь не всегда приходит вовремя, — задумчиво сказал Сергей. — А если она придёт, а я уже буду стар и болен? Или если она не сможет родить? Тогда...

- Серёга, ты серьёзно? — удивился Павел. — Ты что, планируешь жизнь на случай, если твоя будущая жена будет бесплодна?

- Я планирую жизнь, — усмехнулся Сергей, — на случай, если мой отец всё-таки окажется прав. А он почти всегда прав.

Он встал, подошёл к окну и посмотрел на дымящиеся трубы завода.

- Ладно, — сказал он. — Чёрт с ним. Я всё равно никому не позволю решать мою судьбу. Ни отцу, ни кому-то ещё. Это моя жизнь. И я сам выберу, с кем мне быть.

Павел поднялся, подошёл к нему и положил руку на плечо.

- Серёга, — сказал он серьёзно, — я знаю, что ты не позволишь. Но, между нами... тебе и правда лучше всё-таки сдать сперму. А то если ты влюбишься в какую-нибудь девушку, которая не сможет родить, и мне придётся утешать тебя, я, честно говоря, не готов к такой ответственности.

Сергей засмеялся — громко, искренне.

- Паш, ты идиот. У меня нет паранойи, что моя избранница не сможет родить. Я хочу чтобы отец был спокоен, и не наседай на меня. — сказал он, поворачиваясь к нему.

- Я знаю, — ответил друг с улыбкой. — Но я твой друг. И я всегда буду рядом.

Павел ушёл. А Сергей тяжело вздохнул и произнёс вслух:

- Ладно, отец, пока будет по-твоему. А мне ещё нужен хотя бы год, для того чтобы стоять крепче на своих ногах, без твоей корпорации.

Глава 3

Дом Селифонтовых стоял на окраине города, в старом, но ухоженном районе, где ещё сохранились двухэтажные деревянные дома с резными наличниками и палисадниками. Аркадий Владимирович Селифонтов — начальник цеха на «ГранСтали» — всегда говорил, что они живут в «настоящем» городе, а не в этих бетонных коробках, которые понастроили.

«Дом должен дышать, — любил повторять он. — А бетон — он мёртвый. В нём и жизнь мёртвая».

Марина Денисовна, его жена, с ним не спорила. Она любила свой дом, любила свой сад, любила, когда по вечерам за большим столом собиралась вся семья. И сегодня, как обычно, она накрыла ужин.

Ада сидела напротив брата, ковыряла вилкой в тарелке и слушала, как отец рассказывает о заводе.

- ...а этот новый директор по закупкам, — говорил Аркадий Владимирович, — мужик старый, но грамотный. Граневский старший его сам выбрал. Говорят, он его ещё с девяностых знает.

- Ну, Михаил Юрьевич знает, что делает, — заметил Павел, накладывая себе вторую порцию картошки. — Он вообще редко ошибается.

- Ошибается, не ошибается... — махнул рукой отец. — Главное, чтобы завод работал. А он работает.

- А как там Серёжа... Сергей Михайлович? — спросила Ада, стараясь, чтобы голос звучал ровно и безразлично. — Он сегодня был?

- Был, — кивнул Павел. — Как обычно. Совещание, бумаги, разговоры. Ничего нового.

- И что, он... ну, не говорил ничего про меня? — Ада подняла глаза на брата. — Всё-таки я сегодня первый день работала. Интересно, какое впечатление произвела.

- Ада, ты работаешь в отделе кадров, — удивился Павел. — Серёга, если честно, вряд ли вообще заметил, что ты пришла. У него забот полон рот. Потом увидит.

- Понятно, — Ада опустила глаза и снова уткнулась в тарелку.

Марина Денисовна, женщина проницательная и наблюдательная, мельком взглянула на дочь, но ничего не сказала. Только перевела взгляд на мужа и сына.

- Ну как там у вас дела? — спросила она. — Павел, ты сегодня рано пришёл. Всё в порядке?

- Всё отлично, мам, — ответил Павел. — У меня теперь новая должность. Заместитель по производству. Так что забот прибавится.

- Поздравляю, — улыбнулась Марина Денисовна. — Серёжа, видимо, ценит тебя.

- Мы с ним друзья, — напомнил Павел. — А друзей он не бросает. Это, кстати, один из немногих людей, кому можно доверять.

- Это хорошо, — кивнул Аркадий Владимирович. — Друзья — это важно. На работе, конечно, они тоже нужны. Но в жизни — тем более.

После ужина Павел помог матери убрать со стола, а потом ушёл в комнату к отцу. Когда Павел был дома, они часто разговаривали по вечерам — о работе, о планах, о том, что происходит на заводе.

Ада, которая делала вид, что читает книгу в гостиной, тихо встала, подошла к комнате и прижалась ухом к двери. Она знала, что это некрасиво. Знала, что мать бы её отчитала. Но любопытство было сильнее. Она хотела было уже уйти, потому что разговор был скучным для неё и вдруг услышала:

- ... Пап, мне Серёга кое-что сказал. — голос Павла был тихим, но чётким. — Как бы это... Ты только никому. Его отец хочет, чтобы он сдал биоматериал.

- Чего? — голос Аркадия Владимировича звучал удивлённо. — Зачем?
- На случай, если он не найдёт жену до сорока. Чтобы была возможность завести наследника через суррогатную мать.
- Он серьёзно?
- Абсолютно. Сергей, конечно, был в бешенстве. Сказал, что женится только по любви. А отец ему: «Ищи любовь, но сначала сдай сперму в банк». И Сергей согласился.
- Хм, — задумчиво протянул Аркадий Владимирович. — Ну, это... это, конечно, пограневски. Всё контролировать. Даже такое.
- Он сказал, что уйдёт с завода, если отец попытается женить его на какой-нибудь дочке партнёра по бизнесу, — добавил Павел. — Он серьёзно. Я его знаю. Он не шутит.
- А ты ему веришь? — спросил отец.
- Верю. Он говорил это не сгоряча. В нём что-то изменилось, пап. Он стал другим. Не таким, как раньше. Раньше он спорил, сопротивлялся, но принимал всё, что говорит отец. А теперь — делает по-своему. Он ищет выход.
- И что, ты думаешь, он его найдёт?
- Он его нашёл, — честно ответил Павел. — И я надеюсь, что он не сломается. А если сломается, то сломается всё. Он — будущее завода. И если он уйдёт, то завод либо рухнет, либо его приберут к рукам какие-нибудь аферисты.
- А ты? — спросил Аркадий Владимирович. — Ты тоже часть этого будущего?
- Я — друг, — ответил Павел. — И я всегда буду рядом. Но если Сергей уйдёт, я не останусь. Мы с ним неразлучны. Это не просто работа. Это... ну, как братья.
- Ада замерла у двери. В груди что-то ёкнуло. Она знала, что Сергей свободен, но не знала, что его жизнь настолько сложна. И что он готов бороться за свою свободу.
- Она сжала пальцы, стараясь успокоиться, и в этот момент почувствовала, как чья-то рука легла на её плечо.
- Ада! — раздался шёпот матери. — Ты чего тут уши наострила?
- Ада резко обернулась. Марина Денисовна стояла за её спиной с недовольным лицом. В глазах — смесь удивления и упрёка.
- Ада мгновенно взяла себя в руки. Улыбнулась милой, ангельской улыбкой, которая всегда помогала ей выкручиваться из любых ситуаций.
- Мам, ну что ты! — ответила она тихо. — Сегодня же был мой первый рабочий день. Мне интересно, что обо мне подумали на заводе. Вдруг Пашка папе докладывает?
- Марина Денисовна поджала губы, но в глазах промелькнула тень понимания.
- Ада, — сказала она с лёгким предупреждением, — ты же знаешь, что подслушивать нехорошо.
- Я просто хотела узнать, всё ли в порядке, — сказала Ада, опуская глаза. — Ты же знаешь, как я волнуюсь.
- Марина Денисовна вздохнула. Она знала, что дочь умеет манипулировать.
- Ладно, — сказала она. — Но не делай так больше. Слышишь?
- Слышу, мам, — Ада снова улыбнулась, чмокнула мать в щёку и лёгкой походкой направилась в свою комнату.
- Она закрыла дверь и, прислонившись к ней спиной, выдохнула. Внутри неё закипало что-то новое — не просто любопытство, а твёрдое, уверенное желание.
- «Сергей Граневский, — подумала она. — Ты ищешь свободу? Что ж... Я могу быть твоей свободой».
- Она подошла к зеркалу, посмотрела на себя. Длинные тёмные волосы, большие глаза, тонкая фигура — она знала, что она красива. И она знала, что сможет добиться своего. Сможет стать той, кто будет рядом с Сергеем.

«Но для начала, — усмехнулась она своему отражению, — нужно, чтобы он заметил меня».

Она легла на кровать, закинула руки за голову и, глядя в потолок, начала строить планы.

Глава 4

Репродуктивный центр «Новая жизнь» находился на тихой улице в центре города, в здании, которое больше походило на частную клинику для богатых, чем на медицинское учреждение. Белый фасад, стеклянные двери, аккуратные клумбы у входа — всё здесь дышало стерильностью и деньгами.

Сергей стоял у входа, сжимая в руке папку с документами, и чувствовал себя последним идиотом.

- Ну и зачем я сюда припёрся? — пробормотал он себе под нос.

Ответ был очевиден: потому что отец сказал. Потому что если он этого не сделает, отец перекроет ему кислород. Потому что он устал бороться за каждый сантиметр свободы, и эта маленькая, унижительная уступка была ценой за право жить своей жизнью, и создать себе прочную подушку безопасности.

Он вздохнул, толкнул стеклянную дверь и вошёл внутрь.

В приёмной пахло стерильностью. За стойкой сидела женщина лет сорока в белом халате, с идеальной укладкой и дежурной улыбкой.

- Добрый день, — сказала она. — Вы записаны?

- Да, — Сергей положил на стойку папку. — Граневский Сергей Михайлович.

Женщина сверилась с компьютером, кивнула:

- Проходите, вас ждут. Кабинет 204, на втором этаже.

Сергей поднялся по лестнице, нашёл кабинет. Внутри его встретил врач — невысокий, лысоватый мужчина с добрыми глазами и мягкой улыбкой.

- Сергей Михайлович? Проходите, присаживайтесь. — Он указал на кресло напротив стола. — Я ознакомился с вашими документами. Всё в порядке, процедура простая и безболезненная. Мы берём материал, проверяем, замораживаем. Никаких сложностей.

- Я знаю, — ответил Сергей сухо. — Давайте сделаем это побыстрее.

Врач улыбнулся — понимающе, без осуждения:

- Понимаю, не самое приятное мероприятие. Но, поверьте, многие мужчины проходят через это. Особенно те, кто планирует отложить отцовство на потом.

- Я не планирую откладывать, — сказал Сергей. — Я просто... Впрочем не важно.

Врач поднял бровь, но комментировать не стал.

- Присаживайтесь.

Сергей сидел в кресле, сжимая в руках пластиковый контейнер, и смотрел на стерильные белые стены кабинета. На полке напротив стояла стопка мужских журналов с гляцевыми обложками, на которых красовались полуобнажённые девушки из прошлого века. В углу — небольшой телевизор, выключенный. Всё выглядело так, будто здесь пытались создать уют, но получилось только ещё более казённо.

- Я, наверное, не в то место попал, — пробормотал Сергей, разглядывая журналы. — Где тут кнопка «выдать порцию по ускоренной программе»?

Врач, который сидел за столом и заполнял какие-то бумаги, поднял на него глаза и улыбнулся — всё с той же доброй, понимающей улыбкой.

- Не волнуйтесь, Сергей Михайлович. Многие мужчины испытывают небольшой стресс в такой ситуации. Это нормально. Мы всё сделаем быстро и качественно.

- Я не волнуюсь, — ответил Сергей, положив контейнер обратно на столик. — Я просто... — он запнулся, не находя подходящего слова, — озадачен.

Врач кивнул, встал и подошёл к стойке с оборудованием.

- Тогда давайте начнём. Процедура займёт около десяти минут. Если у вас возникнут вопросы — я рядом. Если понадобится помощь...

- Помощь не понадобится, — перебил Сергей. — Я справлюсь сам.

Он взял контейнер и направился в соседнюю комнату. Она была небольшой, с кушеткой, покрытой одноразовой простынёй, и столиком, на котором лежали салфетки и бутылочка с водой. Сергей закрыл дверь, прислонился спиной к стене и выдохнул.

- Ну и как я должен это делать в таком антураже?

Он огляделся. На стене висела картина — абстракция, в которой он не мог разобрать ничего, кроме размытых пятен. На тумбочке стояла лампа с приглушённым светом. В углу — маленький динамик, из которого доносилась едва слышная музыка. Что-то расслабляющее, но слишком фоновое.

Сергей сел на кушетку, положил контейнер рядом и посмотрел в потолок.

- Отец, ты у меня гений манипуляции, — тихо сказал он. — Если бы я знал, что до этого дойдёт...

Он вспомнил, как отец, протягивая папку, сказал: «Ты мне документ, а я тебе — право на поиск своей любви». И Сергей тогда подумал: да, это унижительно, но это цена его свободы.

Но сидеть здесь, в этой стерильной комнате, с пластиковым контейнером в руках и думать о том, что его сперму когда-нибудь могут использовать для зачатия ребёнка, которого он, возможно, никогда не увидит, — это было слишком даже для его выдержки.

- Ладно, — сказал он себе. — Надо просто сделать это и забыть на время. А когда у меня появятся дети, уничтожить этих замороженных живчиков.

Он взял контейнер, откинулся на кушетку и попытался расслабиться. Мысленно он перенёсся в другую обстановку: в спортзал, на завод, куда угодно — только не сюда. Но ничего не помогало. Стерильный воздух, запах дезинфекции и тихое жужжание вентиляции не располагали к романтике.

Через пять минут Сергей снова выдохнул, сел и посмотрел на пустой контейнер.

- Ну и дерьмо. Я отсюда выйду импотентом, — сказал он вслух.

Он открыл дверь и выглянул. Врач сидел за столом, что-то печатал в компьютере.

- Извините, — сказал Сергей. — А можно как-то... ускорить этот процесс? У меня там какие-то другие дела, я не могу тут сидеть и ждать вдохновения, как поэт.

Врач поднял голову, и в его глазах мелькнула едва заметная усмешка.

- Понимаю, Сергей Михайлович, — сказал он. — Но, к сожалению, физиология требует времени. Могу предложить вам чай или кофе, пока вы будете... настраиваться. — Он на мгновение замаялся. — Или посмотреть один из фильмов.

Сергей с тоской посмотрел на врача:

- Какой фильм? — с надеждой спросил он.

- Варианты есть, — дипломатично ответил врач и кивнул в сторону двери с табличкой «Комната отдыха».

Сергей зашёл в комнату отдыха и чуть не застонал. Там было всё то же самое: бежевые стены, диван, стопка тех же журналов. Только вместо картины на стене голая девка. И никакой романтики.

«Ну, точно издевательство», — подумал он и посмотрел на врача:

- Может, у вас есть что-то... ну, более подходящее?

Врач понимающе кивнул:

- Конечно. Через минуту подойдёт мой коллега, он специалист по сопровождению... эээ... психологической подготовки.

- Психологической подготовки? — переспросил Сергей. — К чему?

- К процедуре, — невозмутимо ответил врач.

Через две минуты в комнату зашёл молодой человек в белом халате, с планшетом в руках, и улыбнулся:

- Сергей Михайлович? Я ваш психолог-консультант. Можете звать меня Владиславом.

Сергей уставился на него:

- Психолог? Вы серьёзно?

- Абсолютно. Это стандартная процедура для пациентов, которые испытывают эмоциональный дискомфорт перед сдачей биоматериала.

- Я не испытываю дискомфорт, — отрезал Сергей. — Я просто... не могу расслабиться в этом стерильном кабинете.

Владислав понимающе кивнул и посмотрел на планшет:

- Тогда давайте попробуем метод визуализации. Закройте глаза, Сергей Михайлович, и представьте себе место, где вы чувствуете себя комфортно, расслабленно...

Сергей закрыл глаза и попытался представить что-то приятное. Завод. Гудящие станки, жар металла. Тьфу! Визуализация не работала.

«Что я здесь делаю? Они что, серьёзно думают, что у меня встанет от присутствия рядом мужика, который втирает мне про визуализацию?» — мысленно застонал он. — «Мне тридцать четыре года, я девок перетрахал полгорода, я богатый наследник, и я сижу в спермобанке с психологом, который учит меня расслабляться. Это какой-то бред сивой кобылы».

- ...представьте, что вы стоите на берегу океана, — продолжал Владислав. — Слышите шум волн...

- Я не хочу на берег океана, — перебил Сергей, закипая. — Я хочу, чтобы это всё закончилось. Сделайте что-нибудь, ну, дайте мне журнал с... ну, с более подходящими картинками.

Владислав кивнул:

- Понимаю. Можно попробовать более прямой подход. В соседней комнате есть подборка материалов, которые помогут быстрее войти в нужное состояние.

Сергей вздохнул:

- Слава богу.

Он зашёл в соседнюю комнату и почувствовал себя ещё более нелепо. В комнате стоял большой монитор и удобное кресло. Сергей сел и нажал кнопку.

«Пусть это будет быстро», — подумал он. И уже через несколько минут у него наконец всё получилось.

Сергей вышел из клиники с чувством, что он только что продал часть себя неизвестно зачем.

Он сел в машину, сжал руль и закрыл глаза.

- Ну, отец, — сказал он тихо. — Документ у тебя. Теперь я буду искать свою любовь. И никаких «но».

Но внутри него всё равно сидел осадок: унижение, злость, абсурдность ситуации.

Он завёл мотор, выехал с парковки и поехал в сторону дома.

Глава 5

Дом Граневских стоял в пятнадцати километрах от города, на высоком берегу реки. В месте, что-то вроде местной Рублёвки. Двухэтажный, из красного кирпича, с широкой террасой и ухоженным садом. Не дворец, не вычурная усадьба — основательный, добротный дом, который строили на совесть и для жизни. Михаил Юрьевич, поднявшийся из рабочей семьи, знал цену каждому рублю и не терпел пустой показухи. Его дом должен был быть крепким, как и он сам.

Сергей заглушил мотор, вышел из машины и, не глядя по сторонам, направился к входу. Он не чувствовал ни усталости, ни голода — только глухую, тягучую злость, которая кипела где-то под рёбрами и не находила выхода.

В прихожей его встретил запах домашней еды. Ирина Васильевна вышла из кухни, вытирая руки о фартук, и улыбнулась той самой мягкой, тёплой улыбкой, которая, казалось, могла растопить любую злость.

- Серёжа! Ты вернулся. Я как раз пирог достала, с капустой. Ты голодный?

- Нет, мам, — ответил он коротко, проходя мимо неё к лестнице.

- А ужинать? Я суп сварила, твой любимый, с фрикадельками...

- Не хочу.

- Серёжа, ты чего такой? — голос матери стал встревоженным. — Что-то случилось?

- Всё нормально, мам. Я устал. Пойду в душ.

Он уже взялся за перила, когда Ирина Васильевна окликнула его:

- Сынок, может, чаю? Я тебе с мелиссой заварю, как ты любишь...

- Не надо, мам. — Он остановился на секунду, но не обернулся. — Я просто хочу побыть один. Хорошо?

Она не ответила. Только вздохнула тихонько, и Сергей услышал, как она вернулась на кухню. Он знал, что она обиделась. Знал, что она переживает. Но сейчас у него не было сил на разговоры.

Он поднялся на второй этаж, зашёл в свою комнату и закрыл дверь. Скинул пиджак, потом рубашку, брюки, трусы, носки — всё, что было на нём, словно пытался сбросить с себя не только одежду, но и унижение, которое прилипло к нему в этом чёртовом центре.

Он вошёл в свою ванную, включил воду и встал под горячий душ. Вода была обжигающей, но он не чувствовал температуры. Стоял, закрыв глаза, и пытался смыть с себя память о той стерильной комнате, о пластиковом контейнере, о психологе с планшетом и о том, как он, Сергей Граневский, наследник крупнейшей корпорации, сидел и пытался сделать то, что делал всегда в одиночестве, но теперь — под наблюдением врачей.

Он вспомнил своё отражение в зеркале клиники. Чуждое, униженное. И злость снова поднялась откуда-то из глубины.

- Приехать в клинику, — прошептал он, — а за стеной сидят врачи и знают, что ты там делаешь... Бр-р... Пиздец...

Он долго стоял под душем. Пока пальцы не сморщились, пока злость не превратилась в глухую, тупую усталость.

Он выключил воду, вышел, насухо вытерся, повязал полотенце на бёдра и подошёл к большому зеркалу во всю стену. Замер перед ним, глядя на своё отражение.

Шатен с короткой стрижкой, с серыми глазами и длинными густыми ресницами, от которых не могли отвести взгляд даже самые неприступные женщины. Чётко очерченный подбородок, чувственные губы, модная щетина, которая делала его лицо одновременно мужественным и немного дерзким. Широкие плечи, рельефная грудь, кубики пресса — результат долгих лет в спортзале, а не подарок природы. Модель для подиума.

Он знал, что он красив. Знал, что женщины теряли голову от одного его взгляда. Знал, что стоило ему появиться в баре или на вечеринке, и самые неприступные красавицы сами подходили к нему, стреляли глазками, приглашали к разговору. Он не был хвастливым, но он был реалистом. Он видел себя в зеркале и понимал, что природа не обделила его.

- И как я, — сказал он своему отражению, — этот вот красавчик, перед которым любой бабе захочется растечься лужицей, умудрился докатиться до «Дуньки Кулаковой» при психологе?

Он усмехнулся — криво, безрадостно. Потёр переносицу и отвернулся от зеркала. Злость не прошла, но теперь она трансформировалась в холодное, твёрдое решение.

Он оделся — джинсы, футболка, лёгкая куртка. На ходу набрал номер Павла.

- Паш, привет, — сказал он, когда друг взял трубку.

- Серёга? Ты чего? Голос какой-то... — Павел явно насторожился.

- Хочу потрахаться. Естественным путём. — Сергей говорил ровно, без эмоций. — Организуй.

Павел молчал секунду, потом усмехнулся:

- Ну ты и даёшь. Слушай, давай в клуб. Прямо сейчас. Собирайся. Сейчас в агентство Лильке позвоню. Я тебя в городе встречу. И, Серёг... ты в порядке?

- Буду, — ответил Сергей. — Через час.

Он сбросил звонок, сунул телефон в карман и вышел из комнаты. Внизу мать снова подняла голову от книги, которую делала вид, что читает.

- Серёжа! Ты куда? Ужин же... Скоро отец придет.

- Я уезжаю, мам. Встреча. Не жди.

Она хотела что-то сказать, но он уже взял ключи от машины, вышел в прихожую и нажал на кнопку вызова такси. Присесть за руль в таком состоянии он не рискнул.

Такси подъехало. Сергей сел на заднее сиденье, назвал адрес клуба и откинулся на спинку. Осень раскрашивала листья в яркие краски. На дворе стояло бабье лето. А у него в душе кошки скребли. Хотелось громить всё кругом. За окном мелькали огни города, а он смотрел на них и думал о том, что его жизнь превратилась в какой-то дурацкий цирк. Отец контролирует, мать переживает, друг пытается утешить, а он, Сергей Граневский пытается доказать самому себе, что он ещё мужчина.

Он усмехнулся своим мыслям и закрыл глаза.

«Посмотрим, кого там Павлухе сегодня Лилька подгонит, — подумал он. — Это то, что мне сейчас нужно. Просто женщина, на которую не нужно смотреть с прицелом на брак».

Сергей вышел из такси у входа в клуб «Атмосфера». Вывеска горела неоновым светом, из открытых дверей доносилась музыка — тяжёлый, ритмичный бит, который заставлял тело двигаться в такт, даже если ты этого не хотел. На крыльце его уже ждал Павел с довольной ухмылкой на лице.

- Ну ты и фрукт, Серёга, — сказал он, хлопнув друга по плечу. — Звонишь, говоришь «хочу потрахаться», и я должен всё организовать за час? Хорошо, что я человек предусмотрительный.

- Ты всегда был предусмотрительным, — ответил Сергей, усмехнувшись краем губ. — Особенно когда дело касается женщин.

- Ну, я не могу позволить моему лучшему другу страдать в одиночестве. — Павел махнул рукой в сторону входа. — Пошли. Там уже девчонки ждут. Катя с Леной. Катка — блондинка, стройная, любит дорогие подарки. Ленка — брюнетка, тихая, но когда разойдётся — ууу...

- Мне всё равно, — перебил Сергей. — Главное, чтобы было.

Павел посмотрел на него внимательнее, но ничего не сказал. Только кивнул и первым шагнул внутрь.

Внутри клуба было шумно и темно. Светодиодные лазеры прорезали воздух, танцпол был забит телами, которые двигались в такт музыке. Запах духов, пота и алкоголя смешался в единый коктейль, который действовал на сознание не хуже любого допинга.

Девушки ждали их за столиком у дальней стены. Катя — высокая блондинка с ярким макияжем и откровенным декольте, которое приковывало взгляды всех мужчин в радиусе десяти метров. Лена — невысокая, с тёмными волосами, собранными в хвост, и скромным платьем, которое, однако, выгодно подчёркивало фигуру. Она улыбнулась Сергею, когда он подошёл, и в её глазах мелькнуло что-то, что он не мог расшифровать — то ли интерес, то ли настороженность.

- Привет, — сказала она.

- Привет, — ответил Сергей, садясь рядом.

Вечер прошёл быстро. Они выпили, танцевали, общались — или делали вид, что общаются. Сергей чувствовал, как алкоголь постепенно притупляет злость и унижение, которые копились внутри. Павел был в своей стихии: шутил, рассказывал анекдоты, добился, чтобы девушки звонко смеялись и смотрели на них с явным интересом. Катя уже через час сидела у него на коленях.

Сергей с Леной танцевал медленный танец. Она прижималась к нему, её руки обвивали шею, и он чувствовал её дыхание у своего уха. Ему было легко, почти комфортно. Она не задавала лишних вопросов, не пыталась заглянуть в глаза дольше, чем нужно. Она просто была рядом.

- Ты какой-то напряжённый, — сказала она, когда музыка стихла и они вернулись за столик.

- Это просто усталость, — ответил Сергей, улыбнувшись. — Долгий день.

Она не стала уточнять. Только улыбнулась и взяла его за руку.

Когда клуб начал закрываться, Павел кивнул Сергею и шёпотом спросил:

- Ну что? Поехали в гостиницу? У меня два номера снято.

- Поехали, — ответил Сергей.

Они вышли на улицу. Ночной воздух отрезвил, но Сергей не хотел возвращаться в реальность. Он сел в такси, которое Павел уже вызвал, и всю дорогу смотрел в окно, слушая, как друг болтает с Катей о чём-то весёлом и бессмысленном.

В гостинице было тихо и уютно. Номера были смежными — Павел с Катей заняли один, Сергей с Леной — второй. Они не разговаривали — им было и не нужно слов. В ту ночь Сергей позволил себе забыться, не думать об отце, о заводе, о спермобанке. Просто быть.

Утром он проснулся от того, что Лены уже не было. На прикроватной тумбочке лежала записка: «Спасибо. Ты супер. Пока». И номер телефона.

Сергей взял записку, посмотрел на цифры и усмехнулся. Он понимал, что это не случайность — Лена была девушкой по вызову, и ей нужен был богатый клиент, который не жестит, не бьёт, а просто имеет её как женщину. Она оставила телефон, потому что это была её работа. И он не обижался. Напротив, ему даже нравилась эта лёгкость — без обязательств, без ожиданий.

Он положил записку обратно на тумбочку, сел на кровати, потёр лицо. Голова немного гудела, но не сильно. В душе было странное чувство — не опустошённость, а скорее облегчение.

Он надел одежду, привёл себя в порядок и вышел в коридор.

Павел уже ждал его в холле, свежий, как огурчик.

- Ну что, братишка, как прошло? — спросил он с довольной ухмылкой.

- Нормально, — ответил Сергей. — Ты как?

- Я — отлично. Катя сказала, что будет звонить. Но ты же знаешь, я не из тех, кто верит таким обещаниям.

- Ты всегда был циником.

- Это не цинизм, это жизненный опыт.

Они вышли на улицу. Утро было свежим, солнечным. Город просыпался, люди спешили на работу, а Сергей стоял и думал о том, что ему пора возвращаться в свою жизнь.

- Я поеду домой, — сказал он. — Нужно переодеться.

- Дома мама будет ждать с завтраком? — усмехнулся Павел.

- Угу. И отец с допросом.

Павел хлопнул его по плечу:

- Держись, брат. Я тоже домой переодеться. Встретимся на работе.

Сергей кивнул и сел в такси, которое уже подъехало к гостинице. Всю дорогу он смотрел в окно, на мелькающие дома и деревья, и в голове его крутилась одна мысль: «Как теперь смотреть отцу в глаза?»

Он вошёл в дом, стараясь ступать как можно тише. Но не успел он сделать и трёх шагов по коридору, как из гостиной вышел отец. Михаил Юрьевич был уже одет — строгий костюм, идеально наглаженная рубашка. Он посмотрел на сына и его лицо скривилось в презрительной гримасе.

- Ты уже и на буднях по дыркам скачешь? — спросил он с ледяной усмешкой.

Сергей остановился. Внутри него всё сжалось. Не от страха — от злости. От того, что отец снова лезет в его личную жизнь, снова судит, снова пытается контролировать.

- Ты хотел, я сделал, — ответил он, глядя отцу прямо в глаза. — Оставь меня в покое. Через полчаса буду в форме и поеду на завод.

Он не стал ждать ответа. Прошёл мимо отца, поднялся по лестнице и закрыл за собой дверь своей комнаты. Прислонился спиной к двери и выдохнул.

- Отвалите от меня все, — прошептал он. — Отец, мать, Пашка, все. Дайте мне просто жить.

Он посмотрел на часы. Через полчаса он будет на заводе. Через полчаса он снова станет Сергеем Михайловичем Граневским — наследником корпорации, управляющим директором завода, человеком, который знает, как управлять производством. Но внутри него, где-то глубоко, осталось что-то, что он не мог объяснить. Что-то, что хотело другой жизни.

Он разделся и встал под душ. Горячая вода смывала с него усталость и запах ночи. И в этот момент Сергей подумал, что, возможно, он не так уж и плох. И что, возможно, когда-нибудь он встретит женщину, ради которой ему не нужно будет ничего доказывать.

Глава 6

Странное дело — после той ночи в гостинице и утренней встречи с отцом Сергей вдруг почувствовал себя... свободным. Не в том смысле, что он мог делать всё, что хотел, — нет, отец по-прежнему держал руку на пульсе. Но что-то изменилось. Как будто та самая унижительная процедура в «Новой жизни» стала точкой отсчёта новой эпохи.

Или, может быть, дело было в том, что он наконец-то перестал ждать одобрения.

Первым звоночком стал разговор с отцом через пару дней после того, как Сергей принёс ему документ из репродуктивного центра. Михаил Юрьевич сидел за своим столом, вертел в руках бумажку с печатью, и на его лице не было привычного ледяного выражения. Он смотрел на сына почти... задумчиво.

- Ну что, — сказал он, откладывая документ. — Сделал. Молодец.

Сергей не поверил своим ушам. Отец никогда не говорил ему «молодец». Максимум — «нормально» или «не подвёл».

- Теперь по поводу квартиры. Ты хотел жить отдельно. — продолжил Михаил Юрьевич, и Сергей внутренне напрягся. — Я подумал. Ты уже взрослый. Скоро тридцать пять. Я согласен.

Сергей замер.

- Я... ты серьёзно?

- Я никогда не шучу по делу, — отрезал отец, но в голосе его не было привычной стали. — Выбери себе жильё. В хорошем районе. Не на окраине, а в центре. Или на набережной. Я оплачу.

Сергей открыл рот, чтобы сказать, что он и сам может купить, но отец поднял руку:

- Не спорь. Это мой подарок. За то, что ты... ну, за то, что сделал. И вообще, ты заслужил. Ты вкалываешь уже четырнадцать лет. Пора тебе иметь свою крышу над головой. Не таскаться по гостиницам с бабами. Не давать повода для городских сплетен.

Сергей не знал, что сказать. Внутри поднималось что-то тёплое, почти забытое. Он не привык к тому, чтобы отец был... щедрым.

- Но есть условие, — продолжил Михаил Юрьевич, и Сергей усмехнулся про себя — ну вот, начинается. — Ты наймёшь домработницу. Хотя бы пару раз в неделю. Твоя мать переживает, что её мальчик будет голодать и ходить в помятом костюме. Я, если честно, тоже не хочу, чтобы ты жил в свинарнике и питался дошираком. Ты директор, а не студент.

Сергей хотел возразить, что он в состоянии сам готовить, убираться и погладить себе одежду, но передумал.

- Хорошо, — сказал он. — Договорились.

Отец кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удовлетворение.

- И ещё, — добавил он, когда Сергей уже повернулся к выходу. — Я подумал о твоём предложении.

Сергей обернулся.

- О каком?

- О том, чтобы серьёзно заняться молодёжью на заводе. Ты говорил про спорт, про корпоративы, про помощь молодым семьям. Я долго думал. И решил: давай.

Сергей не поверил своим ушам.

- Ты серьёзно?

- Я уже говорил: я не шучу, — ответил отец. — Завод стареет. Нам нужны молодые кадры. А молодёжь, Сергей, не идёт туда, где скучно и бесперспективно. Если мы создадим условия — они придут. Сделай программу. Дай мне план. Если он будет дельным — я выделю бюджет.

Сергей стоял и смотрел на отца, чувствуя, как внутри разливается что-то тёплое. Он не привык к тому, чтобы отец его слушал. Не привык к тому, чтобы его идеи воспринимали всерьёз.

- Спасибо, отец, — сказал он тихо.

- Не благодари, — ответил Михаил Юрьевич, и в его голосе снова появилась привычная жёсткость. — Просто сделай хорошо. Чтобы я не пожалел.

Сергей вышел из кабинета с лёгкой улыбкой на лице.

Новости разлетелись по заводу быстро. Сергей собрал совещание с начальниками цехов и молодыми специалистами. Рассказал о планах: спортивные турниры по футболу и волейболу, организованный выезд на хоккей, лыжные гонки и т. п., корпоративы на День металлурга и Новый год, помощь молодым семьям с первоначальным взносом на жильё.

Молодёжь встретила это с энтузиазмом. Впервые за многие годы они почувствовали, что их слышат, что их ценят, что у них есть будущее на этом заводе. В отделе кадров выстроилась очередь из студентов и выпускников, которые хотели устроиться на «ГранСталь». Конкуренция среди молодых специалистов выросла в разы.

Ада, которая теперь работала в отделе кадров и видела этот ажиотаж, смотрела на Сергея с новым, ещё более пристальным интересом. Он не просто наследник — он реформатор. Он тот, кто меняет правила игры.

Но Сергей не замечал её взглядов. Он здоровался. Иногда спрашивал как дела. Это была просто вежливость. Он был занят другим — ощущением свободы, которое наполняло его с каждым днём всё сильнее.

Он нашёл квартиру. На набережной, с панорамными окнами и видом на реку. Три комнаты, просторная кухня, большая ванная. Отец не поскупился, хотя квартира стоила как небольшой заводской цех. Сергей въехал через месяц, когда сделали косметический ремонт и завезли мебель.

Домработницу он нашёл быстро — по совету матери. Женщина лет пятидесяти, аккуратная, тихая, с идеальными рекомендациями. Она приходила три раза в неделю, готовила, убирала, гладила рубашки. Сергей чувствовал себя взрослым.

Мать звонила каждый день: «Серёжа, ты поел? Сынок, ты не замёрз? Милый, у тебя есть чистое бельё?» Сергей отмахивался, но внутри ему было приятно. Он знал, что она переживает, это была её материнская забота.

И впервые за долгие годы он чувствовал, что его жизнь начинает принадлежать ему.

Он сидел на новой кухне, пил кофе, смотрел на огни города за окном, и думал о том, что, возможно, всё не так уж и плохо. Работа есть, квартира есть, отец, кажется, начал уважать его как самостоятельную личность, мать беспокоится о нём, как о родном сыне, а не как о безвольном наследнике. Друг Павел всегда рядом.

Он допил кофе, поставил чашку в мойку и подошёл к панорамному окну. Там, за стеклом стояла глубокая осень.

- А ведь я могу быть счастлив, — сказал он тихо своему отражению. — Просто надо перестать ждать, что меня кто-то осчастливит, и начать жить.

Новости о переменах на заводе обсуждались в курилках, столовых и цехах. Но громче всех — в кабинете Сергея, куда Павел ворвался с утра пораньше, даже не постучав.

- Серёга! — он плюхнулся на стул напротив, сияя как начищенный самовар. — Ты гений! Я только что из цеха — там такие разговоры! Молодёжь просто в восторге! Люди уже записываются в команды, составляют графики тренировок. Ты себе не представляешь, что ты сделал!

- Я просто предложил, — ответил Сергей, отрываясь от бумаг. — Всё остальное сделали они сами.

- Не скромничай! — Павел хлопнул ладонью по столу. — Ты дал людям надежду. Понимаешь? Не просто обещания, а реальные дела. Мы с мужиками уже обсуждали, как будем гото-

виться к турниру по волейболу. В пятом цехе собрали команду — я с ними вчера после работы немного поиграл. Там такие ребята! Ну, ты увидишь!

Сергей улыбнулся. Он давно не видел Павла таким воодушевлённым.

- Хорошо, — сказал он. — Тогда включайся в организацию. Я хочу, чтобы первый турнир прошёл уже в декабре. Когда ляжет снег, можно провести лыжные гонки. А к весне — футбол.

- Сделаем! — Павел уже доставал телефон, чтобы записывать. — А что насчёт помещения? У нас же нет нормального спортзала. Есть, конечно, тот старый, в бывшем ДК, но там крыша течёт, и полы уже не те.

Сергей задумался. Это действительно была проблема. Арендовать зал в городе — дорого и неудобно. А свой спорткомплекс...

- Надо строить, — сказал он. — Свой дворец спорта.

Павел присвистнул:

- Ого. Ты серьёзно?

- Абсолютно. — Сергей встал, подошёл к окну. — Мы будем проводить там не только заводские турниры, но и городские. Это повысит статус корпорации, привлечёт новых сотрудников, даст толчок развитию не только города, но и области. Это же не просто спортзал — это символ.

- Ты это отцу скажи, — усмехнулся Павел. — Он любит символы только в виде денег.

- Скажу, — ответил Сергей. — Обязательно.

Через неделю Сергей снова стоял в кабинете отца. На этот раз он пришёл подготовленным — с расчётами, чертежами и планом развития. Он разложил бумаги на столе перед Михаилом Юрьевичем и начал говорить.

Отец слушал молча. Он не перебивал, не задавал вопросов. Только смотрел на сына поверх очков, и его лицо оставалось непроницаемым.

Когда Сергей закончил, воцарилась тишина. Михаил Юрьевич снял очки, потер переносицу и посмотрел на сына долгим, тяжёлым взглядом.

- Дворец спорта, — сказал он медленно. — Ты понимаешь, сколько это стоит? Это не просто крыша над головой. Это фундамент, коммуникации, оборудование. Где ты возьмёшь деньги?

- Я предлагаю использовать прибыль от продажи нашего неликвидного оборудования, — ответил Сергей. — А также перераспределить часть бюджета на следующий год.

- Перераспределить, — усмехнулся отец. — Ты хочешь отнять деньги у производства и пустить их на спорт?

- Я хочу вложить их в будущее, — твёрдо ответил Сергей. — Отец, завод держится на людях. Если мы не создадим им условия, они уйдут. Молодёжь не хочет работать только за деньги. Им нужна жизнь. Наш город — промышленный, и если мы не дадим людям возможность развиваться, они уедут в другие города. А с ними — наши кадры, наше будущее.

Михаил Юрьевич молчал. Он встал, подошёл к окну, заложил руки за спину.

- Ты просишь меня вложить деньги в то, что не принесёт быстрой прибыли, — сказал он.

- Я прошу тебя вложить деньги в людей, — ответил Сергей. — И поверь, это принесёт большую прибыль, чем любой станок. Репутация, лояльность, гордость за завод. Это бесценно.

Отец повернулся к нему. В его глазах читалась борьба — между привычным прагматизмом и чем-то новым, что он начал замечать в сыне.

- И откуда ты возьмёшь деньги на строительство, если я не соглашусь? — спросил он.

Сергей встретил его взгляд.

- Я буду использовать свой доход от прибыли корпорации, — сказал он спокойно. — Я использую дивиденды, направлю их на строительство. Я, в отличие от некоторых, умею жить скромно. Мне хватает зарплаты. Ты сам всю жизнь требовал от меня этого. А те деньги, которые копятся на моих счетах должны не лежать, а работать.

Михаил Юрьевич поднял бровь. В его глазах промелькнуло что-то похожее на уважение.

- Ты готов отдать свои деньги на это?

- Я готов вложить их в будущее, — повторил Сергей. — И я сделаю это, даже если ты скажешь нет. Просто тогда это будет дольше. Но я сделаю.

Отец смотрел на него долго. Очень долго. Потом медленно вернулся к столу, сел, открыл ящик и достал блокнот.

- Хорошо, — сказал он. — Я выделю часть средств. Но только при условии, что ты сам будешь контролировать строительство. И если через два года этот дворец не начнёт работать на репутацию корпорации, ты лишишься не только дивидендов, но и своей должности.

Сергей выдохнул. Внутри разлилось облегчение.

- Спасибо, отец, — сказал он.

- Не благодари, — ответил Михаил Юрьевич, и в его голосе снова послышалась привычная жёсткость. — Просто сделай это хорошо.

Слухи о новом дворце спорта разлетелись по заводу с молниеносной скоростью. На совещании Сергей объявил об этом официально, и получил единогласную поддержку. Павел сиял, как именинник, и то и дело хлопал Сергея по плечу.

- Я же говорил, ты гений! — шептал он.

- Я просто предложил, — ответил Сергей. — Ты тоже будешь участвовать в контроле строительства.

- Естественно! — Павел уже строил планы. — Мы сделаем такой комплекс, что все города области нам завидовать будут!

Ада, сидевшая в зале как представитель отдела кадров, смотрела на Сергея с восхищением. Она видела, как он уверенно говорил с отцом, как отстаивал свою идею. Он был не просто наследником — он был лидером.

Она подошла к нему после совещания, когда он собирал бумаги.

- Сергей Михайлович, — сказала она с лёгкой улыбкой. — Я хотела бы тоже участвовать. В спортивных мероприятиях. Я играю в волейбол, могу быть в команде администрации.

Сергей поднял на неё глаза. Он помнил, что она сестра Павла, но никогда не видел в ней ничего, кроме младшей сестры друга.

- Хорошо, — ответил он. — Приходи на тренировки. Буду рад видеть в команде.

Ада улыбнулась, но в её глазах мелькнуло что-то большее, чем просто спортивный интерес. Она смотрела на него так, будто видела в нём не просто директора, а что-то большее.

Но Сергей не заметил этого. Он уже думал о том, как организовать строительство, какие материалы закупить и как вписать дворец спорта в общий план развития города.

- Вечером тренировка, — сказал он Павлу, когда они вышли из зала. — В старом спортзале. Собери команду администрации и цеховую молодёжь. Я хочу посмотреть, кто на что способен.

- Сделаю, — ответил Павел. — И, Серёг... ты не представляешь, что ты сделал для людей. Правда.

Сергей усмехнулся и направился к себе в кабинет. Но в душе у него горел огонь. Тот самый огонь, который давал ему силы двигаться дальше.

Глава 7

Михаил Юрьевич стоял у окна своего кабинета и смотрел на площадку, которую он выделил под строительство, где уже снесли старые цеха и копали котлован под фундамент будущего дворца спорта. Гул экскаваторов доносился даже сквозь двойные стекла. Он не улыбался — он вообще редко улыбался, но в его глазах светилось что-то, что можно было назвать удовлетворением.

Он вспоминал свою молодость. В девяностые, когда всё рушилось и строилось заново, он тоже был таким — активным, дерзким, с идеями, которые казались безумными, и с холодным расчётом, который не давал им провалиться. Тогда не было денег, не было связей, были только руки, голова и железная воля. Он пробивался сам, без чьей-либо помощи. И он добился.

Теперь он смотрел на сына и видел своё отражение. Не копию — он никогда не хотел копию. Он хотел преемника. Того, кто сможет не просто сохранить, но и приумножить. И Сергей, кажется, начинал оправдывать его надежды.

«Не зря я держал его в ежовых рукавицах, — подумал Михаил Юрьевич. — Не зря заставлял работать. Толк из него получился».

Он услышал шаги за спиной, обернулся. Сергей стоял в дверях с папкой в руках.

- Отец, я хотел показать тебе эскизы будущего комплекса. Архитектор прислал первые наброски.

- Давай, — кивнул Михаил Юрьевич, подходя к столу. — Посмотрим, что ты там нарисовал.

Сергей разложил чертежи, и они склонились над ними вместе. Впервые за долгие годы отец и сын работали как партнёры, а не как начальник и подчинённый.

Пока строительство только начиналось, Сергей решил не тратить бюджет на аренду спортзалов. Он вспомнил о старом цехе — заброшенном, с выбитыми окнами и облупившимися стенами, но с сохранёнными коммуникациями. Там были и душ, и туалеты, и даже небольшие бытовки, которые можно было превратить в раздевалки.

Он созвал активистов — молодых рабочих и инженеров. Объяснил идею. Через неделю цех преобразился: окна вставили, стены покрасили, полы залили, душевые и туалеты привели в порядок.

По заводу бросили клич — спортивный инвентарь, который завалился у работников, приносить во временный спортзал. Старые гантели, гири, мячи, скакалки, лыжи, беговые дорожки и велосипеды — всё это находило вторую жизнь. Активисты красили, реставрировали, приводили в порядок. Сварщики сварили турники, брусья, лестницы для спортивной стенки.

В этот временный мини-дворец спорта начали ходить не только работники завода, но и их дети. По вечерам старый цех, отделённый от завода и получивший новый вход с улицы, гудел от смеха, криков и стука мячей. Дети бегали, взрослые играли в волейбол и баскетбол. Атмосфера была почти праздничной.

- Ну, Серёга, — сказал Павел после одной из тренировок, вытирая пот с лица. — Ты создал не просто зал. Ты создал место, где люди хотят быть. Я такого на заводе не видел никогда.

- Это только начало, — ответил Сергей. — Настоящий дворец будет через год. А пока пусть привыкают.

Они стояли у входа в бывший цех, смотрели, как люди расходятся по домам. Дети бегали вокруг, родители окликали их. В воздухе пахло потом, свежей краской и счастьем.

Сергей перестал таскаться по клубам. Отец больше не получал докладов о его ночных похождениях. Городские сплетницы потеряли тему для разговоров. Но его интимная жизнь не прекратилась — просто стала другой.

Он встретился с Леной — той самой брюнеткой из клуба. Сказал ей прямо:

- Мне нужна женщина без обязательств. Я буду платить тебе достойно, если ты согласишься обслуживать только меня. Не надейся на большее. Без романтики, без цветов, без ресторанов. Просто секс.

Лена посмотрела на него, потом усмехнулась:

- Ты серьёзно?

- Абсолютно. Мне удобно, тебе удобно. Если надоест — скажешь, я найду другую.

Она пожала плечами:

- Ты странный, Граневский. Но деньги хорошие. Давай.

- Договорились.

Павел, узнав об этом, не стал отставать. Он тоже договорился с одной из девушек из агентства — другой, не Катей. Они встречались несколько раз в неделю, без обязательств, без надежд.

- Мы становимся взрослыми, Серёга, — сказал Павел однажды, когда они сидели в кабинете Сергея после работы. — Раньше мы скакали по койкам как заведённые, а теперь — контракты, договорённости. Скука.

- Это не скука, — ответил Сергей. — Это порядок. Всё должно быть под контролем.

Он говорил это, но в душе знал: однажды ему захочется чего-то большего. Чего-то настоящего. Но не сейчас. Сейчас он был занят другим.

Ада теперь была в команде. И на правах участницы она всё чаще вертелась на глазах Сергея. На тренировках, на совещаниях, в столовой. Она всегда находила повод заговорить с ним — спросить о плане тренировок, уточнить детали предстоящего турнира, просто подойти и улыбнуться.

Сергей замечал её, но не придавал значения. Она была младшей сестрой Павла, и он воспринимал её как часть его мира. Однако её настойчивость становилась всё более заметной.

Однажды вечером, когда они остались вдвоём в спортзале после тренировки, она подошла к нему.

- Серёжа, — сказала она, и в её голосе звучала лёгкая робость. — Можно я буду называть тебя по имени? И на «ты»? Как раньше, в детстве. Мы же вне работы.

Сергей посмотрел на неё. В её глазах читалась надежда. Он не хотел обижать сестру друга, но и не хотел давать ложных надежд.

- Конечно, — ответил он просто. — Зови как хочешь.

Ада просияла. Она хотела что-то сказать, но Сергей уже взял пальто.

- Завтра тренировка в семь, — сказал он, направляясь к выходу. — Не опаздывай.

Он вышел из зала, а она осталась стоять, глядя ему вслед.

Весна вступила в свои права стремительно и неожиданно. Снег сошёл за неделю, обнажив мокрую землю, первые проталины и лужи, в которых отражалось высокое, ещё по-зимнему бледное небо. Город оживал, и вместе с ним оживал завод.

Строительство комплекса началось. Генеральный подрядчик заложил фундамент, начался монтаж конструкций. Сергей контролировал всё лично — от закупки материалов до найма рабочих.

Михаил Юрьевич тоже приезжал на площадку. Стоял, смотрел, слушал отчёты. И внутри него росло чувство гордости. Сын стал серьёзнее. Он перестал скакать из койки в койку, перестал давать повод для сплетен. Он занимался делом.

Но однажды, когда они сидели в кабинете, Михаил Юрьевич не удержался:

- Слухи доходят, что у тебя постоянная девушка. Из агентства.

Сергей не дрогнул. Он смотрел на отца спокойно, без вызова.

- Да, это так, — ответил он. — Мы подписали контракт.

Михаил Юрьевич нахмурился:

- Контракт? На что?

- На обслуживание. Секс. Без обязательств, без чувств. Она работает на меня, я плачу. Всё чётко.

Отец смотрел на него с нескрываемым изумлением. Он ожидал всего, но не этого.

- Ты серьёзно?

- Более чем, — ответил Сергей. — Тебе не о чем переживать. Она мне не подходит на роль жены. В мои планы сейчас не входит личное счастье. Контракт закончится, когда я решу. Всё под контролем.

Михаил Юрьевич покачал головой, но в его глазах снова мелькнуло уважение.

- Ну, Сергей, — сказал он. — Ты меня удивляешь. Я думал, ты просто тратишь время, а ты... контракты заключаешь. Молодец, чёрт возьми.

Он не улыбнулся, но в голосе его звучала теплота, которой Сергей не слышал никогда.

- Спасибо, отец, — ответил Сергей. — Я учусь.

- Учись, — кивнул Михаил Юрьевич. — И не останавливайся.

Глава 8

Строительство дворца спорта шло по графику. Начали возводить стены. Сергей посещал площадку каждый день, проверял, контролировал, решал вопросы. Он вникал в каждую мелочь — от марки бетона до расположения будущих трибун. Рабочие уже привыкли к его присутствию и перестали нервничать, когда он появлялся.

Павел, как всегда, был рядом. Он взял на себя организацию тренировок в старом цехе и теперь проводил там почти всё свободное время. Команда администрации уже сформировалась, и они тренировались три раза в неделю. Ада тоже была в команде — она играла на позиции связующей и, надо признать, делала это неплохо.

Сергей замечал, что она смотрит на него. Не так, как смотрят коллеги или друзья. По-другому. С затаённым, почти голодным интересом. Он старался не придавать этому значения. Она была сестрой Павла, и он не хотел создавать неловкую ситуацию.

Но Ада не отступала.

Она всегда находила повод оказаться рядом — на тренировке, в столовой, на совещании. Она подходила к нему с вопросами, улыбалась, иногда касалась руки, когда что-то объясняла. Сергей вежливо отвечал, но держал дистанцию.

Однажды вечером, после тренировки, когда все уже разошлись, Ада подошла к нему в раздевалке. Он застёгивал куртку, когда она появилась в дверях.

- Сергей, — сказала она, и голос её звучал мягко, почти вкрадчиво. — Ты не хочешь выпить кофе? Я знаю одно место...

Он поднял на неё глаза. В её взгляде читалось то, что он видел у многих женщин — желание быть ближе, стать особенной. Он вздохнул.

- Ада, — сказал он ровно. — Ты хорошая девушка. И хороший игрок. Но я не хочу, чтобы ты думала, что между нами может быть что-то, кроме работы и спорта. Ты поняла?

Она замерла. На мгновение в её глазах мелькнула тень — обида, разочарование, но она быстро взяла себя в руки.

- Конечно, — ответила она с лёгкой, почти безразличной улыбкой. — Я просто предложила. Не обращай внимания.

Она развернулась и вышла, оставив Сергея стоять с чувством, что он только что обидел человека. Но он знал — лучше сказать прямо сейчас, чем потом разгребать последствия.

Через неделю Сергей сидел в кабинете отца. Они обсуждали ход строительства. Михаил Юрьевич был доволен — он видел, как завод преобразается, как люди загораются идеей.

Но разговор пошёл в неожиданном русле.

- Сын, — сказал Михаил Юрьевич, откладывая бумаги. — Ты задумывался о том, что тебе пора создать семью?

Сергей нахмурился:

- Мы это уже обсуждали, отец. Я женюсь только по любви.

- Я помню, — кивнул Михаил Юрьевич. — И я не предлагаю тебе брак по расчёту. Я спрашиваю: есть ли у тебя кто-то, кто мог бы стать твоей женой?

- Нет, — честно ответил он. — Пока нет.

- Тогда подумай об этом, — сказал отец. — Ты не молодеешь. И мне бы хотелось увидеть внуков, пока я ещё жив.

Сергей промолчал. Он знал, что отец прав. Но он не хотел торопиться.

Он вышел из кабинета отца и направился к себе. По дороге он встретил Аду. Она шла с папкой документов, улыбнулась ему:

- Сергей Михайлович, добрый день.

- Здравствуй, — ответил он, и в голосе его прозвучала лёгкая усталость.

Она хотела что-то сказать, но он уже прошёл мимо.

Весна. Вместе с ней приближался День Победы. Сергей сидел в своём кабинете, листая календарь, и вдруг его осенило. Он поднял голову и посмотрел на Павла, который сидел на подоконнике с чашкой кофе.

- Паш, слушай, — сказал он. — А что, если мы в честь 9 Мая устроим что-то масштабное?

- Типа чего? — Павел заинтересованно приподнял бровь.

- Весёлые старты. Или даже принять участие в ежегодном марафоне любителей бега, который город проводит. Мы можем выставить команду от завода. И не просто команду — с семьями, с детьми. Это же отличная возможность показать, что завод живёт не только работой, но и душой.

Павел поставил чашку, задумался:

- Марафон — это здорово. Но нужна подготовка. Бегать не все умеют...

- Для этого и нужны весёлые старты, — улыбнулся Сергей. — Для кого-то это профессиональный забег, а для кого-то праздник в другом формате. Эстафеты, конкурсы, перетягивание каната. Чтобы участвовали и дети, и взрослые. А ещё... — он сделал паузу, — можно организовать полевою кухню. Настоящую, как в армии. С солдатской кашей, с чаем, с пирогами.

Павел присвистнул:

- Ты серьёзно?

- Абсолютно. У нас же есть своя фабрика-кухня. Повара смогут приготовить. Мы выделим площадку возле нового дворца спорта — там уже есть место. Поставим палатки, столы, стулья. Ветеранов пригласим. Это же не просто праздник — это память.

Павел смотрел на него с восхищением:

- Серёга, ты гений. Идея — бомба! Это не просто мероприятие. Это создание традиции. Люди запомнят это на годы.

- Тогда начинаем подготовку, — сказал Сергей, уже открывая ноутбук. — Свяжись с нашими поварами. Я позвоню в городской отдел спорта, узнаю условия участия в марафоне.

Через несколько дней по заводу снова бросили клич. На этот раз — сбор варенья для пирогов. Объявление появилось на проходной, в столовой, в цехах: «Уважаемые работники! В честь Дня Победы мы организуем праздник с полевой кухней. Приносите домашнее варенье — оно пойдёт в начинку для пирогов. Спасибо за вашу щедрость и память о великом дне!»

Реакция была мгновенной. Уже на следующий день в столовую начали приносить банки: клубничное, малиновое, смородиновое, вишнёвое. Кто-то принёс даже абрикосовое. Повара принимали, записывали, благодарили.

- Я такого не помню, — сказала одна из старейших работниц столовой, тётя Галя. — Чтобы люди так дружно откликались. Это ж сколько лет мы здесь работаем — а такого не было. Молодец наш Сергей Михайлович, зажёл искру.

К сбору варенья подключились даже те, кто никогда не участвовал в заводских инициативах. В отделе кадров Ада принимала заявки на участие в весёлых стартах. Команды формировались не только по цехам — были семейные команды, команды ветеранов, команды молодых специалистов.

- У нас уже двадцать команд, — отчитывалась она Сергею на планёрке. — Пять семейных, остальные — цеховые.

- Отлично, — кивнул Сергей. — Продолжай работу. Нужно, чтобы все чувствовали себя причастными.

Ада смотрела на него с восхищением. Она видела, как он растёт как лидер. Но она также чувствовала, что он становится для неё недостижимым.

Когда о планах узнал Михаил Юрьевич, он снова пригласил сына в кабинет.

- Я слышал про твою идею с празднованием 9 Мая, — сказал он без предисловий. — И про полевою кухню.

Сергей внутренне напрягся, ожидая критики. Но отец смотрел на него с одобрением.

- Это правильно, — сказал Михаил Юрьевич. — Людям нужно чувствовать, что они часть чего-то большого. Ты даёшь им это чувство. Продолжай в том же духе.

Сергей выдохнул. Впервые за долгие годы он чувствовал, что отец не просто даёт ему свободу — он доверяет ему.

- Спасибо, отец, — сказал он.

- Не благодари, — ответил Михаил Юрьевич, и в голосе его снова послышалась привычная жёсткость, но теперь в ней чувствовалась теплота.

- Я ещё хочу устроить концерт. Снова бросим клич работникам. Пусть покажут свои таланты, споют песни Победы.

- Добро.

Сергей кивнул и вышел из кабинета, чувствуя, как внутри разливается то самое чувство, которое он так долго искал — чувство, что он на правильном пути.

Сергей вышел из кабинета отца и направился к себе. В коридоре его догнал Павел, который, судя по всему, ждал его у дверей.

- Ну что? — спросил он с нетерпением. — Отец одобрил?

- Одобрил, — ответил Сергей с лёгкой улыбкой. — И ещё кое-что. Мы устроим концерт.

- Концерт? — Павел удивлённо приподнял бровь. — Какой ещё концерт?

- Ко Дню Победы. Бросим клич — пусть работники покажут свои таланты. Песни, стихи. Всё, что связано с войной и Победой. Мы сделаем это на площадке у дворца спорта. Сцена, звук, свет.

Павел присвистнул:

- Ну ты даёшь, Серёга. Концерт, полевою кухню, марафон... У нас же завод, а не культурный центр.

- А почему нет? — усмехнулся Сергей. — Завод — это люди. А людям нужна не только зарплата. Им нужна жизнь.

Они зашли в кабинет, и Сергей сразу взял телефон, набрал номер начальника отдела кадров.

- Елена Сергеевна, добрый день. Мне нужна ваша помощь. Объявите по заводу: мы ищем таланты. К Дню Победы готовим концерт. Кто умеет петь, танцевать, играть на инструментах, читать стихи — пусть записываются в отдел кадров. Репетиции начнём уже в эти выходные.

Он положил трубку и посмотрел на Павла:

- Ну вот. Теперь у нас есть концерт.

Слухи о концерте разлетелись по заводу с невероятной скоростью. Уже через день в отделе кадров записалось больше двадцати человек. Кто-то хотел спеть военные песни, кто-то — станцевать вальс Победы, кто-то — прочитать стихи собственного сочинения. Были даже те, кто предлагал поставить небольшую сценку.

- Это какое-то безумие, — сказал Павел, когда они с Сергеем стояли у доски объявлений и смотрели на список участников. — Я не думал, что у нас на заводе столько артистов.

- Люди ждали возможности проявить себя, — ответил Сергей. — Мы просто дали им повод.

Он взял ручку и дописал на доске: «Приглашаем всех желающих на репетиции. Суббота, 15:00, старый цех». И добавил внизу: «Вход свободный. Варенье приветствуется».

Павел рассмеялся:

- Ты и варенье туда же...

- Это же традиция теперь, — улыбнулся Сергей. — Без варенья никак.

В субботу старый цех преобразился. Здесь стояли стулья, наскоро сколоченная сцена, микрофон и колонки. Пришли не только участники, но и зрители — жёны, мужья, дети, просто любопытные. Пахло свежим хлебом и мёдом — кто-то принёс угощение со своей пасеки.

Сергей стоял в углу, смотрел, как люди репетируют, как пробуют, как смеются, когда что-то не получается. Впервые за долгие годы он чувствовал себя не просто наследником, а частью чего-то большего.

Павел подошёл к нему, протянул кружку с чаем.

- Ты смотришь на это и веришь, что мы всё можем, — сказал он тихо. — Знаешь, я ведь тебя с детства знаю. Ты всегда был лидером. Но сейчас... сейчас ты стал тем, кем должен был стать.

Сергей повернулся к другу.

- Паш, я просто делаю то, что должен.

- Ты больше, чем просто делаешь, — ответил Павел. — Ты создаёшь. И люди тянутся к тебе. Даже Ада, — он усмехнулся, — но ты, кажется, не замечаешь этого.

Сергей промолчал. Он знал, что друг прав. Ада смотрела на него с надеждой. Но он не хотел давать ей ложную надежду.

- Она хорошая девушка, — сказал он. — Но я не хочу причинять ей боль.

- Ты и не причинишь, — ответил Павел. — Просто будь честным. Она поймёт.

Сергей кивнул и снова посмотрел на сцену, где уже репетировали песню «Катюша».

Глава 9

Алёна приехала в другой город в середине апреля, когда весна уже окончательно вступила в свои права, и воздух пах свежей зеленью и первой грозой. Она вышла из поезда, сжимая в руке чемодан, и остановилась на перроне, оглядывая незнакомый вокзал. Город оказался больше, чем она представляла. Не мегаполис, но и не провинциальная дыра. Аккуратные улицы, старые дома с резными наличниками на окраине, зелень, которая уже всюду пробивалась сквозь асфальт, новые, современные районы. Было видно, что город живёт, растёт и не уступает современным, огромным городам.

- Ну, Алёна, — сказала она себе под нос. — Приехали. Начинаем новую жизнь.

Она не знала, что её ждёт. Знала только, что старую жизнь она оставила там, за сотню километров отсюда. Там, где её бывший парень сказал, что она слишком сложная, слишком требовательная, слишком... слишком. И закончилось у них всё слишком отвратительно. После чего она собрала вещи и уехала.

Зинаида Петровна, старшая сестра её матери, жила в этом городе уже тридцать лет. Она работала завхозом в том самом детском саду, куда Алёна должна была устроиться психологом. Когда Алёна позвонила и сказала, что приезжает, Зинаида Петровна только вздохнула:

- Я знала, что ты рано или поздно сорвёшься. Приезжай, девочка. Поживёшь у меня. Работа уже есть.

И вот Алёна стояла на перроне, смотрела на незнакомый город и чувствовала, как внутри закипает странное волнение. Она не боялась. Она была готова к новому.

Зинаида Петровна встретила её на вокзале. Невысокая, круглолицая, с добрыми глазами и вечной улыбкой. Она обняла Алёну так, будто они не виделись несколько лет, хотя виделись всего полгода назад, когда тётя Зина приезжала к ним.

- Ну, Алёнушка, — сказала она, отстраняясь и разглядывая племянницу. — Хороша. Только бледная какая-то. Надо тебя откармливать.

- Тётя Зин, я не голодная, — улыбнулась Алёна.

- Это мы ещё посмотрим, — ответила тётя и подхватила её чемодан. — Поехали домой. Я пирогов напекла.

Дом Зинаиды Петровны стоял на окраине города, в старом районе с деревянными домами и большими палисадниками. Здесь было тихо, уютно и почти по-деревенски. Алёна сразу почувствовала, что это место может стать её убежищем.

Первые дни она осваивалась. Ходила на работу — детский сад оказался светлым, с большими окнами и смешными рисунками на стенах. Дети встретили её настороженно, но быстро привыкли. Алёна умела находить к ним подход. Она была терпеливой, мягкой и в то же время умела быть твёрдой, когда нужно.

- Ты прирождённый психолог, — сказала ей заведующая через неделю. — Дети тебя любят. Родители уже начали спрашивать про тебя. Так что задерживайся.

Алёна улыбнулась. Она чувствовала, что здесь её ценят. И это было приятно.

Город манил её. Она гуляла по улицам, разглядывала старые здания, заходила в маленькие кафе, сидела на скамейках в парке. Она чувствовала, как этот город начинает входить в её душу.

Однажды она узнала о марафоне, который должен был состояться 9 Мая. В детском саду висело объявление, и кто-то из родителей обмолвился, что город проводит ежегодный забег в честь Дня Победы. Алёна задумалась. Она никогда не бегала на длинные дистанции, но внутри неё загорелось желание попробовать.

- Тётя Зин, я хочу участвовать в марафоне, — сказала она вечером.

Тётя удивлённо посмотрела на неё:

- В марафоне? Серьёзно?

- А почему нет? Это же не профессиональный забег. Это праздник. Я хочу попробовать. Тётя улыбнулась:

- Ну, если хочешь — попробуй. Я буду болеть за тебя.

9 Мая выдалось солнечным и тёплым. Город украсили флагами, на улицах играла музыка, пахло шашлыками и цветами. Алёна пришла на старт в спортивном костюме, с улыбкой на лице и с лёгким волнением в груди.

Участвовали целые семьи — взрослые, дети, даже бабушки с дедушками. Алёна огляделась. Она не знала никого, но чувствовала себя частью этого праздника.

Старт дали под звуки военного марша. Алёна побежала — сначала легко, потом тяжелее. Она не думала о времени, не думала о соперниках. Она просто бежала, чувствуя, как ветер бьёт в лицо, как сердце стучит в груди, как каждый шаг приближает её к финишу.

Когда она пересекла финишную черту, она не сразу поняла, что дошла. Она стояла, тяжело дыша, и смотрела на людей вокруг. Кто-то хлопал, кто-то обнимался. Она улыбнулась и почувствовала себя почти героиней.

- Вы хорошо бежали, — услышала она голос за спиной.

Алёна обернулась. Перед ней стоял высокий молодой мужчина. Тёмные волосы, серые глаза, лёгкая щетина. Он выглядел так, будто только что финишировал и тоже переводил дыхание. Но в его глазах было что-то, что заставило её задержать взгляд.

- Спасибо, — ответила она, улыбнувшись. — Вы тоже неплохо.

Он усмехнулся:

- Я просто старался не упасть. Это уже достижение.

Они стояли друг напротив друга, и между ними повисла та самая тишина, которую не хочется нарушать. Сергей смотрел на неё и чувствовал, что не хочет отводить взгляд. Она была необычной — светлые волосы, карие глаза, лёгкая улыбка. В ней не было ни капли фальши.

- Я Сергей, — сказал он, протягивая руку. — Сергей Граневский.

Алёна ответила на рукопожатие:

- Алёна. Свиридова.

- Алёна, — повторил он, пробуя имя на вкус. — Красивое имя.

- Спасибо, — она снова улыбнулась. — Тоже люблю своё имя.

Он хотел сказать что-то ещё, но в этот момент к Алёне подошла женщина — невысокая, симпатичная, с тёмными волосами.

- Алёна! — сказала она. — Ты как? Я тебя искала. Ты просто супер — пришла тридцатой! Я тоже бежала, но ты меня обогнала.

Это была воспитательница из детского сада, Ольга.

- Спасибо, Оль, — сказала Алёна. — Я тоже удивилась, что добежала.

Ольга перевела взгляд на Сергея и улыбнулась:

- Ой, извините. Я не помешала?

- Нет, — ответил Сергей, но в его голосе послышалась лёгкая заминка.

Ольга повернулась к Алёне:

- Кстати, там заведующая зовёт. Мы пойдём?

- Идите, — сказал Сергей. — Я не буду вас задерживать.

Он кивнул Алёне и развернулся, направляясь к своим.

Ольга подождала, пока он отошёл, потом наклонилась к Алёне и прошептала с придыханием:

- Ты хоть знаешь, кто это был?

- Нет, — удивилась Алёна. — А что, кто-то важный?

- Сергей Граневский! Наследник «ГранСтали»! Сын Михаила Юрьевича Граневского, владельца корпорации. Он, между прочим, один из самых завидных женихов в городе. Ходят

слухи, что он с семнадцати лет на заводе работает. Отец не дал ему поступить в институт. Сказал: «Сначала армия. Потом сталелитейный цех. А учиться можно и заочно». Начинал с грузчика, а теперь управляющий директор. Сейчас у него там большие планы.

Алёна пожала плечами:

- Он выглядит обычным человеком. Ну, подумаешь, наследник. Мало ли у вас наследников в городе.

Ольга удивлённо посмотрела на неё:

- Ты серьёзно? Да он местная знаменитость! За ним очередь из девушек, а он не прошёл мимо тебя!

Алёна усмехнулась:

- Ну и что? Если я захочу познакомиться с мужчиной, то не потому, что он наследник, а потому что он хороший человек. Но я не ищу знакомств, Оль. Я просто рада, что добежала.

Она повернулась и пошла, оставляя Ольгу в лёгком замешательстве. А Сергей уже стоял у своей команды, но мыслями он был там, на финишной черте, где встретил девушку со светлыми волосами и карими глазами.

- Серёга, ты чего? — спросил Павел, заметив его отсутствующий взгляд.

- Ничего, — ответил Сергей. — Всё хорошо.

Но он знал, что это не так.

Глава 10

Сергей и Павел отошли от финишной черты, где ещё толпились участники марафона. Сергей отпил воды из бутылки, вытер губы тыльной стороной ладони и посмотрел на часы.

- Через час надо быть на площади, — сказал он. — Официальная часть. Чествование ветеранов. Я должен быть там как представитель завода.

- Я в курсе, — ответил Павел, тоже отпивая воду. — Я тоже должен быть.

- Тогда разбегаемся, — Сергей кивнул в сторону стоянки. — Через час на площади. Успеем?

- Успеем, если не будем тормозить, — Павел уже разворачивался. — Встречаемся у памятника?

- Да. Я позвоню, если что-то изменится.

Сергей уже направился к своей машине, когда его окликнули.

- Сергей Михайлович! Сергей Михайлович, можно вас на пару слов?

Он обернулся. К нему спешили двое — мужчина с камерой на плече и женщина с микрофоном. Логотип местного телеканала на бейдже. Представители прессы.

Сергей мысленно вздохнул, но улыбнулся. Он знал, что интервью неизбежны.

- Конечно, — сказал он, останавливаясь.

Женщина поднесла микрофон:

- Сергей Михайлович, вы только что участвовали в марафоне. Это ваша первая подобная акция?

- Нет, — ответил он спокойно. — Я бегаю регулярно. Но в этом году мы решили участвовать командой от завода. Это хорошая традиция, и мы планируем её продолжать.

- Слышали, что вы инициировали строительство дворца спорта на территории «Гран-Стали». Расскажите подробнее.

Сергей говорил уверенно, чётко, как привык на совещаниях. Он рассказал о планах, о том, что комплекс будет доступен не только для работников завода, но и для жителей города. О том, что это часть большой программы по развитию социальной инфраструктуры.

- Это здорово, — сказала журналистка. — И, говорят, вы лично контролируете строительство?

- Лично, — кивнул Сергей. — Это важно для меня. Я хочу, чтобы всё было сделано качественно.

Интервью заняло минут пять. Сергей ответил на все вопросы, улыбнулся в камеру и попрощался. Когда журналисты отошли, он выдохнул и направился к машине.

- Теперь домой, — сказал он себе, садясь за руль.

Квартира встретила его прохладой и тишиной. Сергей скинул спортивный костюм, зашёл в душ и встал под горячую воду. Он стоял долго, закрыв глаза, и в голове его крутился образ девушки с финишной черты. Светлые волосы, карие глаза, лёгкая улыбка. Алёна.

- Что со мной? — спросил он у своего отражения, когда вышел из душа. — Просто девушка. Обычная девушка.

Но он знал, что это не так. В ней было что-то, что заставило его сердце биться быстрее. Он не мог объяснить это, но чувствовал — она не похожа на других.

Он быстро оделся: тёмно-синий костюм, белая рубашка, строгий галстук. На ходу опрокинул в себя чашку кофе, проверил документы и телефон, и через десять минут уже ехал в сторону площади.

На площади было многолюдно. Флаги, музыка, ветераны с орденами на груди, люди с цветами. Сцена была украшена в красном и золотом — празднично и торжественно.

Павел уже ждал его у памятника. Он тоже был при полном параде — тёмный костюм, белая рубашка, начищенные туфли.

- Ну ты и вид, — сказал Павел, оглядывая Сергея. — Как с картинки.

- Ты тоже, — усмехнулся Сергей. — Прямо жених.

- Надеюсь, сегодня без свадьбы, — ответил Павел. — Пошли, нас уже ждут.

Официальная часть началась с минуты молчания. Сергей стоял среди представителей администрации и других предприятий города, слушал речи, смотрел на ветеранов, которых было уже так мало. Внутри него поднималось что-то тёплое и щемящее — он не был патриотом в громком смысле, но здесь, на этой площади, он чувствовал себя частью чего-то большого.

Когда его вызвали на сцену, он вышел уверенно, поправил микрофон и начал говорить. О подвиге прадеда, который сложил голову за освобождение Белоруссии. О том, что память о войне живёт в сердцах. О том, что завод помнит своих героев.

- Мы строим будущее, — сказал он, глядя на толпу. — Но без прошлого у нас нет будущего. Мы будем помнить. Всегда.

Площадь взорвалась аплодисментами. Сергей увидел в первом ряду отца и мать. Михаил Юрьевич смотрел на него с гордостью, которую не скрывал. Ирина Васильевна вытирала слёзы.

- Спасибо деду за Победу! — сказал он в микрофон и отошёл от микрофона под з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.